

М. П.
АРЦЫБАШЕВ

Избранное

Михаил Петрович Арцыбашев

Бунт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2848955

Аннотация

«Это было большое, казарменного вида, блое и скучное здание, плакавшее отекшей от сырости штукатуркой, но было построено как больница: такие-же ровные и пустые коридоры, такие же большие, но тусклые, с прозрачными нижними стеклами, окна, такие же высокие блпывающие двери, с номерками и надписями, и даже пахло здсь так же; мытым чистым бльем и карболкой. А самое непривтливое было то, что все здсь было черезчур чисто, пусто и аккуратно, как будто здсь жили не живые люди, а статистические цифры...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Петрович Арцыбашев

Бунт

I

Это было большое, казарменного вида, б#лое и скучное здание, плакавшее отекшей от сырости штукатуркой, но было построено как больница: такіе-же ровные и пустые коридоры, такіе же большія, но тусклыя, съ прозрачными нижними стеклами, окна, такіе же высокія б#ловатыя двери, съ номерками и надписями, и даже пахло зд#сь такъ же; мытымъ чистымъ б#льемъ и карболкой. А самое неприв#гливое было то, что все зд#сь было черезчуръ чисто, пусто и аккуратно, какъ будто зд#сь жили не живые люди, а статистическія цифры.

Въ этотъ день богатая, хорошей фамиліи, молодая дама въ первый разъ прі#хала для осмотра пріюта, такъ какъ ее только вчера выбрали вице#предс#дательницей того общества, которое устроило этотъ пріютъ «для кающихся». Волоча по блестящему полу длинный шлейфъ и съ любопытствомъ и легкимъ смущеніемъ оглядываясь по сторонамъ, она прошла въ чистую и хорошо обставленную комнату «для членовъ комитета», а за нею, размашисто и свободно переваливаясь и шаркая подошвами, прошелъ секретарь общества, красивый, статный члов#къ въ золотомъ пенснэ.

– Ну-съ, Лидія Александровна, – съ небрежной шутливостью избалованнаго женщинами мужчины сказалъ секретарь, – начнемъ съ пріема... новыхъ питомицъ нашего высоко#нравственнаго учрежденія.

– Ну, ну, не см#яться! – кокетливо погрозила ему Лидія Александровна и на мгновение задержала на немъ свои большіе, красивые и слегка подрисованные глаза.

Надзирательница пріюта, желтая и сухая дама, вдова офицера, угодливо улыбнулась и, отворивъ дверь въ коридоръ, громко и отчетливо сказала, точно считая:

– Александра Козодоева.

За дверью послышались неув#ренные и торопливые шаги и вошла небольшая, полная, съ крутыми плечами и темными глазами женщина.

Лидія Александровна, сомн#ваясь, такъ-ли д#лаеть и шумя платьемъ, поднялась ей навстр#чу.

«Вотъ он# какія... эти... женщины!» подумала она съ интересомъ, и хотя была очень воспитана, прямо, съ брезгливымъ недоум#ніемъ, н#сколько секундъ разсматривала ее. И ей все казалось, что это не настоящая женщина, а что-то такое искусственное, специально для пріюта сд#ланное.

Александра Козодоева испуганно и некрасиво косила глазами и молчала.

Секретарь быстро взглянулъ на нее, но уб#дился, что не знаетъ, и успокоился.

– Вы, кажется, Александра Козодоева?

– Да-съ, – отв#тила д#вушка, тяжело и подавленно вздыхая.

Ее давно уже вс# звали Сашкой или Сашей, и ей было странно отзываться на полное имя и фамилію.

– Вы добровольно желаете вступить въ пріютъ? – официально и небрежно спросилъ секретарь.

– Да-съ, – опять испуганно отв#тила Саша. Вблизи близорукой секретарь, шурясь, огляд#лъ ее, точно ц#пляясь взглядомъ за вс# круглыя и мягкія части ея т#ла. Саша поймала этотъ ищущій взглядъ и сразу ободрилась, будто натолкнувшись на что-то знакомое и понятное среди чужого и страшнаго.

– Мы получили уже ее документы, Лидія Александровна... Я распорядился устроить ее на м#сто #едоровой, – слегка прищелкивая губами и уступая ей м#сто, сказал секретарь.

Глаза Лидіи Александровны стали испуганными; она почувствовала, что теперь ей сл#дует сказать что-то хорошее и не знала что.

– Это очень хорошо... что вы задумали, – торопливо и путаясь проговорила она, – вамъ будетъ теперь гораздо лучше и... васъ тамъ пом#стятъ... вы идите, я распоряжусь... Корделія Платоновна!..

– Не беспокойтесь, Лидія Александровна, – говоркомъ проговорила надзирательница. – Идемте, Козодоева.

Когда д#вушка уходила, Лидія Александровна въ зеркало увид#ла прищуренные глаза секретаря, и ей вдругъ показалось, что онъ просто и близко сравниваетъ ихъ об#ихъ. Что-то оскорбительное ударило ей въ голову, она страннымъ голосомъ произнесла какую-то французскую фразу и нехорошо засм#ялась.

«Чего она см#ется?» промелькнуло у Саши въ голов#.

– А она – ничего! – сказал секретарь, когда дверь затворилась.

Лидія Александровна Презрительно вздернула головой.

– У васъ н#тъ вкуса... она груба, – съ бессознательнымъ, но острымъ чувствомъ физической ревности неловко возразила она.

Секретарь, щурясь, посмотр#лъ на нее.

– Н#тъ, я не нахожу... А вкусъ, гмь... – многозначительно и самодовольно произнесъ онъ и, инстинктивно дразня женщину, прибавилъ:– она прелестно сложена.

Лидія Александровна почувствовала и поняла, что онъ знаетъ много такихъ женщинъ, и, несмотря на то, что такой разговоръ нестерпимо шокировалъ ее, ей пришло въ голову только то, что она гораздо лучше, красив#е, изящн#е. И, невольно изгибаясь вс#мъ т#ломъ съ л#ниво-сладострастной граціей, Лидія Александровна повернулась къ нему своей стройной мягкой спиной. Съ минуту она, чувствуя на себ# раздражающій опред#ленный взглядъ мужчины, мучительно старалась вспомнить что-то важное, несомн#нное, что совершенно исключало всякую возможность сравненія ея съ этой женщиной, но не вспомнила и только презрительно и таинственно улыбнулась, и глаза у нея, томные и большіе, прикрылись и поб#л#ли.

Желтая дама повела Сашу по коридорамъ, гд# встр#чныя женщины, въ скверно сшитыхъ платьяхъ изъ дешевенькой синей матеріи, съ равнодушнымъ любопытствомъ смотр#ли на нихъ, и привела въ большую комнату, заставленную громоздкими шкафами и тяжело пропахшую нафталиномъ.

Дв# толстыя простыя женщины, возившіяся съ грудями грязнаго прокисшаго б#лья, сейчасъ же бессмысленно усталились на Сашу.

– Тутъ мн# и жить? – съ робкимъ и дов#рчивымъ любопытствомъ спросила Саша.

Желтая дама притворилась, что не слышитъ.

– Какъ фамилія? – отрывисто и въ упоръ спросила она.

И голосъ у нея былъ такой странный, что Саша невольно подумала:

«Какъ у дохлой рыбы!...»

– Чья? – машинально спросила она.

Глаза желтой дамы стали злыми.

– Ваша, конечно!

– Козодоева, моя фамилія, – тихо отв#тила Саша, съ недоум#ніемъ припоминая, что желтая дама уже звала ее по фамиліи.

– Вамъ это... переод#тъся надо, – отрывисто, мелькомъ взглядывая на ея платье, сказала надзирательница.

Если бы Саш# в# эту минуту сказали, что ей надо выпрыгнуть в# окно с# четвертого этажа, она бы и это сд#лала, так# была она сбита с# толку. Когда она р#шила уйти от# прежней жизни, ей казалось, что встр#тит# ее что-то св#тлое, яростное, теплое и радостное. А то, что с# нею д#лали теперь, было так# сложно, странно, ненужно ей и непонятно, что она совс#мь не могла разобрат#ся в# нем#.

«Так# значить, нужно... они уж# знают#», – успокаивала она себя.

Саша, торопясь и путаясь в# тесемках#, стала разд#ваться, покорно отдавая свои кофточку, юбку, башмаки, чулки.

– Все, все – махнула рукой дама, когда Саша осталась в# одной рубашк#.

Саша торопливо спустила с# круглых# полных# плеч# рубашку и осталась голой.

Вс# три женщины быстро осмотр#ли ее с# ног# до головы, и вдруг# лицо желтой дамы перекосылось каким-то уродливым# чувством#. Она думала, что это было презр#ние к# тому, что д#лала Саша своим# т#лом#, а это было смутное, инстинктивное чувство зависти безобразного, состарившагос#я т#ла, которое никому не было нужно, к# молодому, прекрасному, которое звало к# себ# вс#х#.

Саша стояла, согнув# кол#ни внутрь#, и тупилась. Было что-то унижительное в# том#, что она была голая, когда вс# были од#ты, и в# том#, что ей было холодно, когда вс#м# было тепло. Кол#ни е# подрагивали, и мелкая, мелкая дрож# проб#гала по н#жной б#ло-розовой кож#, покрывая ее мелкими пупырышками. Желтая дама нарочно, сама не зная зач#м#, медлила, копаясь в# б#ль#. Саша старалась не смотр#ть вокруг# и стояла неподвижно, не см#я прикрыт#ся руками.

«Хоть бы уж# скор#е... – думала она, – ну, чего она там#. ... стыдно... холодно, чай»...

– Пожалуйста, скор#й, – опять с# тою же ищущей мягкостью и робостью попросила она.

И опять надзирательница с# удовольстви#ем# притворилась, что не слышит#.

Саша тоскливо замолчала, а что-то тяжелое, недоум#вающее будто поднялось с# пола и наполнило все и отодвинуло вс#х# от#, не#.

– Вот# это ваше платье, – сказала дама и с# радостью кивнула Саш# такое же драненькое синенькое платье, какое Саша уже вид#ла в# коридор#.

– А... б#лье? – с# трудом# выговорила Саша и вся покрасн#ла.

Ей пришло в# голову, что может# быть, зд#сь и б#лья не полагается.

– А, да... берите, вот#...

И б#лье было грубое и дурное, совс#мь не такое, какое привыкла носить Саша.

– Скор#й, вы! – приказала желтая дама. Саша, опять торопясь и путаясь, од#лась в# сшитое не по ней платье. Ей было неловко в# нем# и стыдно его, и тогда на одну секунду шевельнулась в# ней мысль! «И с# какой стати?»...

Но сейчас# же она вспомнила, что она уже, почему-то, не им#ет# права желать быть хорошо и красиво од#той, и тихо, путаясь в# подол# слишком# длинной юбки, пошла, куда ее повели.

Опять прошли по коридору и вошли в# высокую больничного вида комнату.

– Вот# вам# кровать, а вот# тут# будете свои вещи держать. Вам# потом# скажут#, что полагается д#лать, и когда об#д#, чай и все... там#...

Желтая дама ушла.

Саша с#ла на краюшеч# своей кровати, почувствовала сквозь тоненькую матер#ю синенькой юбки жесткое и колючее сукно од#яла и стала искоса разглядывать комнату.

Тоненьк#я жел#зны# кровати тоже стояли как# в# больниц#, только не было дощечек# с# надписями, но Саш# сначала показалось, что и дощечки есть. Возл# каждой кровати стоял# маленьк#й шкафчик#, очевидно служивш#й и столиком#, и деревянная, выкрашенная

густой зеленой краской табуретка. Въ комнат# было еще пять женщинъ, которыя сначала показались Саш# будто на одно лицо.

Но потомъ она ихъ разсмотр#ла.

Рядомъ, на сос#дней кровати, сид#ла толстая, рябая женщина и угрюмо поглядывала на Сашу, л#ниво распуская грязноватыя тесемки чепчика.

– Тебя какъ звать-то? – басомъ спросила она, когда встр#тилась глазами съ Сашей.

– Александрой... Сашей... – отв#тила Саша, и ее самое поразилъ робкій звукъ собственнаго голоса.

– Такъ... Александра! – помолчавъ, безразлично повторила рябая и почесала свой толстый, вялый животъ.

– Фамилія-то, чай, есть, – вдругъ сердито пробурчала она, – дура!

И повернувшись спиной къ Саш#, стала искать блохъ въ рубашк#.

Саша удивленно на нее посмотр#ла и промолчала.

Другая, совс#мъ худенькая и маленькая блондинка, съ круглымъ животомъ и длиннымъ лицомъ, отозвалась:

– Вы ее не слушайте... она у насъ ругательница... По фамиліи у насъ говорятъ.

– Козодоева, моя фамилія, – заст#нчиво и торопливо сказала Саша.

Блондинка съ животомъ сейчасъ же встала и перес#ла на Сашину кровать.

– Вы, милая, изъ комитетскихъ? – спросила она ласково.

– Я... – замялась Саша, не понимая вопроса.

– Вамъ сколько л#тъ-то?

– Два... двадцать два, – пробормотала Саша.

– Значить, по своей охот#?

– Сама, – отв#чала Саша и застыдилась, потому что совершенно не могла въ эту минуту отдать себ# отчета, дурно это или хорошо.

– А почему? – съ любопытствомъ спросила блондинка.

– Да... такъ, – съ недоум#ніемъ сказала Саша.

– Да оставь ты ее! – сказала третья женщина, и голосъ у нея былъ такой простой, ласковый и мягкій, что Сашу такъ и потянуло къ ней.

Но маленькая красивая женщина только весело кивнула ей головой и отошла.

II

Ночью, когда потушили огонь и Саша свернулась комочкомъ подь холоднымъ и негнущимся од#яломъ, все, что привело ее въ пріютъ, пронеслось передь нею, какъ въ живой фотографіи, и даже ярче, гораздо ярче и ближе къ ея сознанию, ч#мъ въ д#йствительности...

Саша тогда сид#ла у окна, смотр#ла на мокрую улицу, по которой шли мокрые люди, отражаясь въ мокрыхъ камняхъ исковерканными дрожащими пятнами, и ей было скучно и нудно.

Откуда-то, точно изъ темноты, вышла тощая кошка и хвостъ у нея былъ палочкой.

Далеко, за стеклами, гд#-то слышался стихающій и подымающійся, какъ волна, гуль какой-то могучей и нев#домой жизни, а зд#сь было тихо и пусто, только кошка мякнула раза два, Богъ знаетъ о чемъ, да по полутемному залу молчаливо и проворно шмыгали ногами худые полотеры.

Саша, какъ-то насторожившись, смотр#ла на заморенныхъ полотеровъ, чутко прислушиваясь къ отдаленному гулу за окномъ, и ей все казалось, что между полотерами и той жизнью есть что-то общее, а она этого никогда не узнаетъ.

Полотеры ушли, и терпкій трудовой запахъ мастики и пота, который они оставили за собой, мало-по-малу улегся. Опять кошка мякнула о чемъ-то.

Саша боязливо оглянула это пустое, мрачное м#сто, съ холодной ненужной мебелью и роялемъ, похожимъ на гробъ, и ей стало страшно: показалось ей, что она совс#мъ маленькая, вс#мъ чужая и одинокая. Люди за окномъ сверху казались точно придавленными къ мостовой, какъ черные безличныя черви, раздавленные по мокрымъ камнямъ.

Саша нагнулась, подняла кошку подь брюхо и посадила на кол#ни.

– ... Ур... м-мурр... – замурлыкала кошка, изгибая спину и мягко просовывая голову Саш# подь подбородокъ.

Она была теплая и мягкая, и вдругъ слезы навернулись у Саши на глазахъ; и она кр#пко прижала кошку об#ими руками.

– ... Урр... м-муррр... ур... – мурлыкала кошка, закрывая зеленые глаза и вытягивая спинку.

– Милая... – съ страстнымъ желаніемъ въ одной ласк# вылить всю безконечно-мучительную потребность близости къ кому-нибудь шепнула Саша. И ей казалось, что она и кошка – одно, что кошка понимаетъ и жал#етъ ее. Глаза стали у нея мокрые, а въ груди что-то согр#лось и смягчилось.

– ... Уррр... – проурчала кошка и вдругъ разставила пальцы и выпустила когти, съ судорожнымъ сладострастіемъ впившись въ полное, мягкое кол#но Саши.

– Ухъ! – вздрогнула Саша и машинально сбросила кошку на полъ.

Кошка удивленно посмотр#ла не на Сашу, а прямо передь собою, точно увид#ла что-то странное. С#ла, лизнула два раза по груди и, вдругъ поднявъ хвостъ палочкой, торопливо и озабоченно поб#жала изъ зала.

А Саш# стало еще тяжел#е, точно что-то оборвалось внутри ея.

Пробило семь часовъ. Швейцаръ пришелъ и, не обращая на Сашу никакого вниманія, д#лая свое д#ло, нашарилъ шершавыми пальцами кнопку на ст#н#, и сразу вспыхнулъ веселый холодный св#тъ. Зablест#ль паркетъ, стулья вдругъ отчетливо отразились въ немъ своими тоненькими ножками, рояль выдвинулся изъ темнаго угла.

Одна за другой пришли Любка и толстая рыжая Паша. Любка с#ла у рояля, понурившись, точно разсматривая подолъ своего св#тло-зеленаго платья, а рыжая Паша стала вяло и безц#льно смотр#ть въ окно.

Саша поверт#лась передь зеркаломъ, тяжело вздохнула и что-то зап#ла. Голосъ у нея былъ сильный, но непрятный.

– Не визжи, – вяло зам#тила Паша и прижала лицо къ стеклу.

– Чего тамъ увид#ла? – спросила Саша, безъ всякаго любопытства заглядывая черезъ ея толстое плечо.

– Ни-че-го, – сказала Паша, медленно поворачивая свои глупые, красивые глаза, за которые ее выбирали мужчины, – такъ, смотрю... что тамъ.

Саша тоже прижалась лбомъ къ холодному стеклу, за которымъ теперь, казалось, была холодная и бездомная темнота. Сначала она ничего не вид#ла, но потомъ темнота какъ будто раздвинулась и отступила, и Саша увид#ла ту же мокрую и пустую улицу. По ней, уходя тоненькой ниточкой вдаль, тускло и дрожа, гор#ли, нев#домо для кого фонари. И опять Саша услышала отдаленный могучій гулъ, отъ котораго чуть слышно дрожали стекла.

– Что оно тамъ? – съ глубокой тоской, непонятной ей самой, спросила Саша.

– Будто какой зв#рь рычить... гд#... – равнодушно проговорила Паша и отвернулась.

Саша посмотр#ла въ ея прекрасные, глупые глаза, и ей захот#лось сказать что-то о томъ, что она чувствовала сегодня, глядя въ окно. Но это чувство только смутно было понято ею и глубже было ея словъ. Саша промолчала, а въ душ# у нея опять появилось чувство неудовлетвореннаго и мучительнаго недоум#нія.

«И что-й-то со мной под#лалось сегодня?...» – съ тупымъ страхомъ подумала она и, подойдя къ Паш# вплотную, сказала тоскливо и невыразительно:

– Ску-учно мн#, скучно, Пашенька...

– Чего? – вяло спросила Паша.

Саша помолчала, опять мучительно придумывая, какъ сказать. Ей ясно представилось, какъ она сид#ла въ пустомъ, какъ могила, зал#, одна-одинешенька, какою маленькой, никому ненужной, забытой чувствовала она себя, и какъ гд#-то далеко отъ нея гуд#ла и шум#ла незнакомая большая жизнь, и опять ничего не могла выразить.

– Жизнь каторжная! – съ внезапной, неожиданной для нея самой, злобой сказала она негромко и сквозь зубы.

Паша помолчала, тупо глядя на нее.

– Н#ть... ничего... – л#ниво проговорила она: – вотъ тамъ... – припомнила она, называя другой «домъ», подешевле гд# женщина стояла всего полтинникъ... – точно, нехорошо... всякій извозчикъ л#зеть, грязно, духъ нехорошій... дерутся... А тутъ ничего: мужчинки все благородно, не то чтобы теб#... и кормятъ хорошо... Тутъ ничего, жить можно...

Она опять помолчала и вдругъ, немного оживившись, прибавила:

– У насъ въ деревн# такой пищи во в#къ не увидишь!

– А ты изъ деревни? – спросила Саша съ страннымъ любопытствомъ.

– Я деревенская, – спокойно пояснила Паша, – у насъ иной разъ и объ эту пору ужъ хл#бъ кончается... изъ недородныхъ мы... земли тоже мало... Картошкой живутъ, извозомъ мужики занимаются, а то и такъ... Деревня наша страсть б#дная, мужики, которые, пьяницы... Кабы пошла замужъ, натерп#лась бы... Сестру старшую, мою то-есть, мужъ веревкой до смерти убилъ... Въ острогъ его взяли потомъ... – совс#мъ уже л#ниво договорила она и встала.

– Куда ты? – спросила Саша.

– Чаю пить, – отв#тила Паша, не поворачиваясь.

Саша опять поверт#лась передь зеркаломъ, выгибая грудь и рассматривая себя черезъ плечо, но уже ей было тяжело оставаться одной въ наполненномъ пустымъ, холоднымъ св#томъ зал#. Она подошла къ роялю, за которымъ попрежнему, понурившись, сид#ла Любка. Когда Саша подошла близко, Любка подняла голову и долго смотр#ла на нее. И боль-

шіе печальные глаза были недов#рчивы и растерянны, какъ у со вс#хъ сторонъ затравленнаго зв#ря.

– Любка, – машинально позвала Саша.

Она налегла на рояль полной грудью и смотр#ла, какъ въ его черной полированной поверхности отражалась она сама и Любка, съ странными въ густомъ коричневомъ отраженіи темными лицами и плечами.

Любка не отозвалась, а только придавила пальцемъ клавишу рояля. Раздался и растаялъ одинокій и совс#мъ печальный звукъ.

– А-ахъ! – з#внула Саша и стала пальцемъ обводить свое отраженіе. Опять раздался тотъ же упорно печальный плачущій звукъ. Саша вслушалась въ него и съ тоской повела плечами. Любка неув#ренно взяла дв#-три ноты, точно уронила куда-то дв#-три хрустальные тяжелыя капли.

– Оставь, – съ тоской сказала Саша.

Но Любка опять придавила ту же ноту, и на этотъ разъ еще тихо и протяжно загуд#ла педаль. Саша съ досадой быстро подняла голову и вдругъ увид#ла, что Любка плачетъ: большіе глаза ея были широко раскрыты и совершенно неподвижны, а по лицу сползали струйки слезъ.

– Во... – удивленно проговорила Саша съ пугливымъ недоум#ніемъ.

Любка молчала, а слезы беззвучно капали и падали ей на голую грудь.

– Чего ты? – спросила Саша, пугливо глядя на медленно ползущія по напудренной кож# слезы, и чувствуя, что ей самой давно хочется заплакать и, почему-то боясь этого.

– Перестань, чего-ты?.. Любка, Любочка... – заговорила она и подбородокъ у нея задрожалъ.

– Обид#ль тебя кто?.. Да чего... Любка!

Любка тихо пошевелила губами, но Саша не слышала.

– Что?..А?..

– За... заразилась я... – повторила Любка громче и повалилась головою на рояль.

Что-то мрачное и грозное пронеслось надъ душой Саши. Хотя заражались, и очень часто, другія товарки Саши, и хотя она знала, что это можетъ случиться и съ нею самой, ея здоровое молодое т#ло, сильное и чистое еще, не принимало мысли объ этомъ, и она скользила по ней, не оставляя въ душ# мучительныхъ бороздъ. И только теперь, когда она въ первый разъ увид#ла такое страшное отчаяніе, только теперь впервые она совершенно сознательно поняла, что это д#йствительно безобразно, ужасно, что изъ-за этого стоитъ такъ заплакать въ голосъ, закричать и начать биться головой, съ безнадежной пустотой и безсильной злобой въ душ#. И ей даже показалось, что именно изъ-за этого ей было такъ тяжело сегодня ц#лый день, такъ страшно, такъ грустно и обидно. И Саша тоже заплакала, сквозь слезы глядя на затуманившееся въ черной поверхности рояля свое отраженіе.

– Чего вы ревете? – спросила подошедшая д#вушка и стала см#яться. – Вотъ дуры, стоять другъ противъ дружки и ревать!

– Сама дура! – не съ задоромъ, какъ въ другое-бы время, а тихо и грустно возразила Саша, но все-таки перестала плакать и отошла отъ рояля. Въ душ# у нея было такое чувство, точно кто-то громадный и беспощадный всталъ передъ нею и страшно яркимъ св#томъ осв#тилъ что-то безобразное, несправедливое, непоправимо-ужасное, д#лающееся съ нею и во всемъ вокругъ.

Когда стали приходять мужчины, Саша въ первый разъ увид#ла ясно, что имъ н#тъ никакого д#ла до нея; между собою они пересматривались что-то говорящими глазами, даже иногда обм#нивались непонятными Саш# словами о чемъ-то такомъ, чего не было въ ея жизни, а когда поворачивали глаза къ Саш# и другимъ, вдругъ становились точно бездуш-

ными, жадными, какъ зв#ри, безжалостными и непонимающими... А чаще это были такіе тупые или пьяные люди, что они, видимо, и не понимали того, что д#лали.

– И всегда-то такъ... – съ ужасомъ захолонуло въ груди Саши.

Пришелъ таперъ и сразу заигралъ что-то очень громкое, но вовсе не веселое. Д#вушки, точно выливаясь изъ темной и грязной трубы, выходили изъ темнаго коридора. Музыка становилась все громче и нестройн#е, и отъ ея преувеличенно наглыхъ звуковъ шум#ло въ голов#. Стало жарко, душно. Все сильн#е и сильн#е пахло распустившимся, потнымъ чело-в#комъ, пахло приторными духами, табакомъ, мокрымъ шелкомъ, пылью. Музыка сливалась съ шарканьемъ и топотомъ ногъ, съ крикомъ, съ самыми ненужными гадкими словами, и не было слышно ни мотива, ни словъ, а вис#лъ въ воздух# только одинъ отуп#лый озв#р#-лый гулъ. Въ ушахъ начинало нудно шум#ть и казалось, что весь этотъ переполненный ополум#вшими отъ скверной, нездоровой жизни людьми, табакомъ, пивомъ, извращенными желаніями, скверной музыкой домъ – не домъ, а какая-то огромная больная голова, въ которой мучительно шумить и наливается тяжелая, гнилая, венозная кровь, съ тупой болью бьющая въ напряженные, готовые лопнуть виски.

И Саша противъ воли танцевала и кричала, и ругалась и см#ялась.

– Ску-учно, – сказала она старенькому чиновнику, присосавшемуся къ ней.

– Ну, и дура! – съ равнодушной злостью сказалъ чиновникъ и неудержимо сладострастнымъ шопоткомъ прибавилъ: – пойдемъ что-ли!

Тогда Саша стала жадно пить горькое пиво, проливая его на полъ, на себя, на смятую кровать. Она пила захлебываясь, а когда напилась, ею овлад#ло тупое, больное, равнодушное веселье. Опять она п#ла, ругалась, танцевала и забыла, наконецъ, свое чувство и Любку, такъ что, когда въ коридор# началась страшная суматоха, и кто-то пронзительнымъ и тонкимъ голосомъ, съ какимъ-то недоум#ніемъ закричалъ; – «Любка удавилась!» – то Саша не могла даже сразу сообразить, какая такая Любка могла удавиться и зач#мъ?

Но когда таперъ сразу оборвалъ музыку, и нестройно протяжно прогуд#ла педаль, Саша вдругъ вспомнила и свой разговоръ съ Любкой, и все, громко ахнула и поб#жала по коридору.

Тамъ уже была полиція, городовые и дворники, запорошенные сн#гомъ, кинувшимся въ глаза Саш#, стучавшіе тяжелыми валенками и нанесшіе страннаго въ узкомъ душномъ коридор#, бодрящаго, холоднаго чистаго воздуха. На полу былъ натопанъ и быстро темн#лъ и таялъ мягкій св#жій, только что выпавшій сн#гъ. И Саш# показалось, будто вся улица вошла въ коридоръ, со вс#ми своими закутанными мокрыми людьми, суетой, шумомъ, холодомъ и грязью. Дворники и городовые равнодушно д#лали какое-то свое д#ло, непонятное Саш#, точно работали спокойную и полезную работу, и только толстый усатый околоточный, въ толстой с#рой, съ торчащими блестящими пуговицами, шинели, въ которую злобно пивались черные ремни шашки, ожесточенно и громко кричалъ и ругался.

Слышно было, какъ «экономка» слезливымъ и хриплымъ басомъ повторяла:

– Разв# жъ я тому причиной?.. Какая моя вина?..

Лицо у нея было желтое и совс#мъ перекошенное отъ недоум#лой злости и страха.

Саша ткнулась въ отворенную дверь Любкиной комнаты, и хотя ее сейчасъ же съ грубымъ и сквернымъ словомъ равнодушно вытолкнулъ городской, она все-таки усп#ла увидеть ноги Любки, торчавшія изъ-подъ скомканной и почему-то мокрой простыни. Ноги были босыя, потому что Любка такъ и не од#лась посл# приема гостя; он# неподвижно торчали носками врозь, и странно и жалко было вид#ть эти б#лорозовыя, прекрасныя, съ тонкими, н#жными и сильными пальцами, ноги неподвижными и ненужными, брошенными на затоптанный, точно заплеванный, полъ.

Саша вылет#ла обратно въ коридоръ, больно про#халась плечомъ о ст#ну и пошла прочь, машинально потирая рукою ушибленное м#сто.

И въ эту минуту ей стало противно, обидно, страшно и жалко себя, и захот#лось уйти куда-нибудь, перестать быть собою, такую, какъ есть.

Въ необычное время потушили огни, гости разошлись и все сразу стало пусто и тихо-тихо. Домъ какъ будто притаился въ злов#щемъ молчаніи. Д#вушки боялись итти спать и толпились въ кухн#, одн# од#гтя, другія растрепанныя, измятая; лица у нихъ у вс#хъ были одинаково искривлены въ тревожныя, слезливыя, точно чего-то ожидающія гримасы. Дверь въ комнату Любки заперли, и возл# нея расположился, почему-то въ шуб# и шапк#, дюжіи спокойный дворникъ. Дверь эта была такая же, какъ и вс# въ дом#, невысокая, б#лая, но именно т#мъ, что произошло за нею, она какъ будто отд#лилась отъ вс#хъ дверей и даже отъ всего міра и стала какой-то особенной, таинственно-страшной. Д#вицы то и д#ло б#гали взглянуть на нее и сейчасъ же со вс#хъ ногъ б#жали обратно.

Одна д#вушка, больше другихъ дружившая съ Любкой, сид#ла въ кухн# у стола и плакала, и отъ жалости, и оттого, что на нее смотрять со страхомъ и любопытствомъ.

Было страшно и непонятно, точно передъ вс#ми встало что-то неразр#шимо ужасное и печальное.

Пришла экономка, сердитая и желтая, какъ лимонъ. Она съ-размаху с#ла за столъ и стала дрожащими руками наливать и пить, какъ всегда, приготовленное для нея пиво. Губы у нея тоже дрожали, а глаза злобно косились на д#вущекъ. Она помолчала, наслаждаясь т#мъ, что вс# притихли, глядя на нее испуганными и покорными глазами, а потомъ проговорила сквозь зубы:

– Тоже... какъ же... ха!.. Подумаешь!

И въ этихъ словахъ было столько безконечнаго удивленнаго презр#нія, что даже привыкшимъ къ самой грубой и злой ругани д#вущкамъ стало не по себ#, неловко и грустно. И потому особенно стыдно и обидно, что каждая изъ нихъ, ничтожная и загаженная, въ самой глубин# души, непонятно для самой себя, какъ-то гордилась поступкомъ Любки.

И вс# стали потихоньку и не глядя другъ на друга расходиться.

– Сашенька, – шопотомъ позвала Сашу одна изъ д#виць, Полька Кучерявая.

– Чего?

– Сашенька, душенька... боюсь я одна... возьми къ себ#... будемъ вм#ст# спать...

Она заглядывала Саш# въ лицо боязливими, умоляющими глазами и собиралась заплакать.

– И то, пойдемъ... Все не такъ...

Когда он# уже лежали рядомъ на постели, имъ было неловко и странно, потому что он# давно привыкли лежать только съ мужчинами. Об# стыдились своего т#ла и молча старались не дотрагиваться другъ до друга.

Было темно и жутко. Саш#, которая лежала съ краю, все казалось, будто что-то черное и холодное съ неодолимой силой ползеть по полу, медленно, медленно. Въ ушахъ у нея звен#ло мелодично и жалобно, а ей казалось, что гд#-то тамъ, далеко въ темномъ, какъ могила, пустомъ, холодномъ зал# падаютъ куда-то и звенять хрустальныя и тоскливыя капли рояля. Тамъ сидитъ мертвая и неподвижная, холодная, синяя и страшная Любка, сидитъ за роялемъ и слезы капаютъ на рояль, и мертвые глаза ничего не видятъ передъ собой, но Сашу видятъ оттуда, страшно видятъ, тянутся къ ней. А по полу что-то медленно-медленно ползаетъ.

– Спишь? – не выдержала Саша. – А? – позвала она посп#шно и прерывисто, не поворачивая головы и зная нав#рное, что рядомъ лежитъ Полька, и зная, что это вовсе не Полька... И голосъ ея въ темнот# показался ей самой чужимъ и слабымъ.

Полька шевельнулась. Ея невидимые, мягкіе, курчавые волосы слегка скользнули по щек# Саши, но отозвалась она не сразу...

– Н#тъ, Сашенька, – тихо и жалобно сказала она. И Сашу неудержимо потянуло на этот н#жный и слабый голосъ. Она быстро повернулась и сразу вс#мъ т#ломъ почувствовала другое мягкое и теплое т#ло, но не увид#ла ничего кром# все той же, все облившей, изсиня-черной тьмы. И вдругъ дв# невидимыя худенькія и горячія руки скользнули по ея груди и осторожно боязливо нашли и обняли ея шею.

– Са-ашенька, – тихо прошептала Полька, – отчего мы такія несчастныя?..

И въ темнот# слышались просящія и покорныя всхлипыванія. Волосы ея щекотали шею Сашу, слезы тихо мочили грудь и рубашку, а руки судорожно дрожали и ц#плялись.

Саша молчала и не двигалась.

– Лучше бы мы померли, какъ... или лучше, какъ еще маленькія были... Я, когда еще въ гимназіи училась, такъ больна была... воспаленіемъ легкихъ... и все радовалась, что выздоров#ла... и волосы виться стали... Лучше бъ я тогда умерла!..

Саша все молчала, но каждое слово Польки стало отзываться гд#-то внутри ея, какъ будто это она сама говорила и плакала.

– Что мы теперь такое? – продолжалъ стонать и жаловаться плачущій въ темнот# одинокій голосокъ. – Вонъ Люба пов#силась, а Зинку въ больницу взяли; говорятъ у нея даже и носъ провалился... хорошенькая, в#дь, была Зинка... И какъ будто такъ и надо... такъ мы и остались... никто не придетъ и не уведетъ, чтобы и съ нами... не...

– А... чего захот#ла... Ха!.. – вдругъ злобно, задыхаясь и трясясь вся, пробормотала Саша.

– И насъ свезу-уть... Никому до насъ и д#ла н#тъ... До вс#хъ д#ло есть, вс#хъ людей берегутъ... тамъ, и все... А мы, какъ проклятыя какія... А за что?

– Изв#стно. – сквозь зубы проговорила Саша и отвернулась, хотя и ничего не было видно.

– Я помню, – шептала въ темнот# Полька, точно жалуясь не Саш#, а кому-то другому, – какая я была въ гимназіи... чистенькая... Иду, и вс# на меня смотрятъ и улыбаются... Мама встр#титъ: ну, что, моя дочка?.. Ничего неизв#стно... – вдругъ порывисто, горячо и тоскливо перебила она себя: – я и не виновата въ этомъ вовсе!

– А кто виноватъ? – спросила Саша тихо и съ какимъ-то трепетнымъ и жалобнымъ ожиданіемъ:

Полька вдругъ дернулась вс#мъ т#ломъ.

– Кто?.. А разв# я знаю!.. Ничего я не знаю, ничего не понимаю... А только я, можетъ, теперь дни и ночи плачу... пла-ачу...

И Полька заплакала тоненькимъ, тихимъ и бесконечно бессильнымъ плачемъ. Казалось, будто это не челов#къ плачетъ, а муха звенить.

– Жалко мн# жалко, Сашенька, – опять зашептала она, захлебываясь слезами, – и себя жалко, и тебя жалко, и Любку... вс#хъ...

Она затихла. Долго было совершенно тихо и какъ-то глухо. Потомъ стало слышно, какъ в#теръ воетъ въ труб#. Такъ, застонетъ тихо, помолчитъ и опять протянетъ долгій тоскливый звукъ: у-у-у... какъ будто у него зубы болятъ.

– Я д#точекъ люблю, – вдругъ тихо и стыдливо сказала Полька, – мн# бы д#тку своего, я бы... Боже мой, какъ бы я его любила!.. Са-ашенька!.. – съ какимъ-то изступленнымъ восторгомъ отчаянія всхлипнула она.

Саш# казалось, что ее насквозь пронизываетъ этотъ изступленный, тонкій какъ иголка, шопоть, и ей стало невыносимо. Захот#лось крикнуть, порвать что-то.

– Мы что тутъ?.. Такъ... падаль одна! Живемъ, пока сгниемъ... А другіе же живутъ... св#ту радуются... Я въ гимназіи все книжки читала... теперь не читаю, забыла... да и что читать!.. А тогда мн# казалось, что все это и я переживу... будто у меня въ груди что-то

громадное... будто все счастье, какое на земл# есть, я переживу, все мое будеть... вся жизнь, и люди вс# мои, для вс#хъ людей... и... и не могу я этого выразить... Са-ашенька...

– Какъ быть? – вдругъ спросила Саша сдавленнымъ, глухимъ горловымъ голосомъ.

Полька замолчала такъ неожиданно, что Саш# показалось, будто теперъ темнота шеп-
четь.

– Уйти... бы... – шепнула Полька, и Саша услышала растерянный и робкій голосъ.

Саша вслушалась въ его придавленный звукъ и вдругъ почувствовала себя большой и сильной, въ сравненіи съ худенькой, слабой Полькой, которая могла только плакать и жаловаться. Она даже какъ будто почувствовала всю могучую красоту своего молодого, сильного т#ла, двинула руками и ногами и громко заговорила, точно грозя:

– И уйдемъ... что!

Въ комнат# уже стало св#тл#ть; и когда Саша повернула голову, то увид#ла рядомъ неясныя очертанія б#лаго и маленькаго т#ла и у самага лица большіе, чуть-чуть блестящіе въ темнот#, испуганные глаза.

Полька молчала.

– Ну? – со злобой страха и неув#ренности почти крикнула Саша.

– Куда? – робко и чуть слышно проговорила Полька. – Куда я теперъ ужъ пойду?

Будто что-то, на мгновеніе мелькнувшее передъ Сашей, св#тлое и отрадное померкло и бессильно стало тонуть въ мутной мгл#! И, хватаясь за что-то, почти физически напрягаясь, Саша крикнула въ б#шенств#:

– Тамъ видно будеть... Хуже не будеть! Уйти бы только!..

И вскочила об#ими горячими ногами на холодный полъ, ясно, съ леденящимъ ужасомъ чувствуя, что мертвая Любка изъ темной бездонной дыры подъ кроватью сейчасъ схватить ее за ноги и потащить куда-то въ ужасъ и пустоту. И преодол#вая слабость въ ногахъ, Саша босикомъ доб#жала до окна, ударила, распахнула его на темный, какъ бездонный колодезь, дворъ и высунулась далеко наружу, повиснувъ надъ сырой и холодной пустотой. В#теръ рвануль ее и вздуль рубашку пузыремъ, леденя спину. На волосы сейчасъ же сталъ мягко и осторожно откуда-то сверху падать невидимый сн#гъ; вверху и внизу было пусто, с#ро и молчаливо, пахло сыростью и холодомъ. У Саши сдавило въ груди, сжало голову, и судорожно схвативъ горшокъ съ цв#тами, она со всего размаха, напрягая вс# силы въ страшной неутолимой злоб# и ненависти, швырнула его темную пустоту за окномъ. Что-то только метнулось внизъ, и глухой тяжкій ударъ донесся снизу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.